

НАТАЛЬЯ САХАРОВА
В ЕДИНОМ РИТМЕ

ТРИ ПОВЕСТИ

Наталья Сахарова

В едином ритме. Три повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584449

ISBN 9785448307911

Аннотация

«В едином ритме» – цикл из трёх повестей. Каждая повесть – отдельная история, случайно вырванная мной из жизни. Три эти истории не связаны между собой, и на их месте могли оказаться другие. Если вы настроены романтически, чтение, надеюсь, будет приятным. А если возвышенные чувства, как вам кажется, – не про вас, то, боюсь, зря потеряете время.

Содержание

Предисловие	6
В едином ритме. Вновь	7
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	41
Глава 17	43
Глава 18	45
Глава 19	47
Глава 20	49
Глава 21	51

Глава 22	53
Глава 23	55
Глава 24	57
Глава 25	58
Глава 26	60
Глава 27	62
Глава 28	64
Глава 29	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

В едином ритме
Три повести
Наталья Сахарова

© Наталья Сахарова, 2016

© Ольга Еськина, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0791-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Душа наша – корабль, идущий в Эльдорадо.
В блаженную страну ведёт – какой пролив?
Вдруг, среди гор и бездн и гидр морского ада
Крик вахтенного: – Рай! Любовь!
Блаженство! – Риф.*

Шарль Бодлер «Плавание»
(в переводе Марины Цветаевой)

Она и он.

Перед вами их размышления. О самом главном.

Главы под нечётным номером – мысли женщины, чётные – рассуждения мужчины.

Мысли – глубоко интимны. Они не лгут, потому что их обычно никто не слышит. Чего и требует тема этой книги – абсолютной искренности.

В едином ритме. Вновь

В ЕДИНОМ РИТМЕ
ВНОВЬ

Глава 1

Я знаю, что у меня есть право быть с другим. Но другого я не любила бы, даже если бы он относился ко мне лучше, чем мой муж.

Муж бывал груб, часто невыносимо холоден. Он лгал. Но я не уходила, и не только ради детей. За эти тридцать три года вместе мы стали неразделимы. Муж иногда забывал об этом (нравилось, видимо, чувствовать себя похотливым самцом), но это не меняло главного: он так же не мог без меня, как и я без него, хоть наша жизнь и стала пресной.

Не могла я просто взять и выбросить его из своей жизни. Это было бы равносильно тому, чтобы лишиться верхней конечности: проснуться утром, достать руки из-под одеяла – чтобы опереться на одну, а вторую потянуть к будильнику, но вдруг обнаружить, что опереться не на что. Если одна из рук начинает отказывать, мы же её не отрубаем – мы верим, что она вновь станет здоровой.

За те годы, что мы провели с мужем вместе, ритм его дыхания стал моим ритмом, его привычки стали моими привычками. Я начала есть на завтрак варёное яйцо всмятку такой же консистенции, как любил он, и обязательно с тостами, обжаренными в сливочном масле. А он как-то признавался, что начал проверять двери, уходя из дома. Раньше смеялся надо мной, а потом сам стал так делать: закрывать дверь, вы-

таскивать ключ, а затем обязательно наклонять ручку вниз и дёргать дверь несколько раз. После завтрака я привыкла вместе с грязной посудой убирать со стола свежую газету, которую он читал. Каждое утро, перед выходом из дома, я отодвигала к стене его тапочки, которые он постоянно оставлял посреди комнаты. Я уже не могла без этих мелочей. Поначалу они раздражали, а потом стали неотъемлемой частью моей жизни.

Когда муж не возвращался домой, конечно, я думала о том, где он и с кем. Но мне не удавалось уснуть не столько от этих мыслей, сколько от того, что я не ощущала его дыхание за моей спиной. Если он не ночевал дома, мой день не клеился, потому что утром, застилая кровать, я не улавливала его запах на подушке.

Глава 2

Лежу как бревно. Ничего не движется. Не ощущаю ни рук, ни ног, ни спины, ни члена.

А может какое-то движение всё-таки есть? Боковым зрением иногда замечаю какие-то тени, но ничего не чувствую.

Сказать ни слова не могу, только мычу.

Шея не поворачивается, посмотреть в сторону не могу.

Глаза хотя бы открываются, а если клонит в сон – закрываются. Хоть это работает.

Но, может, было бы лучше, если б и глаза не открывались. Не видел бы, как она, жена, суется вокруг меня – такое ощущение, что круглосуточно. Возится с моей тушей. Вливает в меня ложкой еду, которую я даже не чувствую. Зачем меня кормить, на что мне тратить энергию, лежу как увальень?

И вообще, к чему такая жизнь? Это и не жизнь то, собственно. Так я наказан. Это страшнее смерти. Специально мне это: чтобы мучился. Заслужил.

Только ей то это за что? Терпела меня больше тридцати лет. А теперь еще и обхаживай, дерьмо убирай, из ложечки корми.

Не спит, наверное. Всё худее и худее лицо, морщин стало больше. Некрасивая.

Брось ты меня, не мучай и сама не мучайся! Зачем кор-

мишь? Без еды сдохну быстрее, тебе же легче будет, дура ты.
Да она не понимает, я же мычу только, вот идиот.

Глава 3

Муж уснул, сижу рядом. Не спала всю ночь: он всё стонал, вставала – делала компрессы на лоб, чтобы снять жар. Теперь клонит в сон. Надо бы поспать, хоть немного, пока и он спит.

Хорошо, что не нужно завтра идти на работу. Отпуск дали, но, я вижу, коллеги считают, что я должна была бросить его после такого. А подруги так и говорят. Хотя какие они после таких советов подруги?! Как же я могу бросить его, если он даже в туалет сам сходить не может? Лежачего бить – как-то не по-людски.

Да, мой муж ошибся. Да, это не в первый раз. Но он достаточно дорог для меня, чтобы не бросать его в беде.

Я знаю, он сам винит себя сейчас сильнее, чем кто-либо другой, а даже прощения попросить не может. Речь для него теперь недоступна. Для него теперь ничего не доступно. Он как птица в клетке, а я не в состоянии эту клетку открыть. Только время знает, когда он снова начнёт ходить, говорить, ощущать. Если вообще начнёт.

Теперь я часто вспоминаю один эпизод из детства.

Мой отец был орнитологом, работал в центре кольцевания птиц. Я редко приходила к нему на работу – мне было жалко птичек. Это сейчас я понимаю важность занятия отца, а тогда считала, что люди не в праве покушаться на свободу пернатых (пусть даже на несколько минут, необходимых для

проведения измерений).

Во время одного моего визита к отцу в сети орнитологов попал красноголовый королёк. Он был оливково-зелёный с бронзовой спинкой и беловатым брюшком, в оранжевой шапочке из перьев, с крохотными глазками, обведёнными черными полосками. Красноголовый королёк – одна из самых маленьких птиц в наших краях. Но несмотря на то, что длина его всего 9 см, а весит он грамм 6, это настоящая перелётная птица. Он пролетает через всю Европу и добирается даже до Марокко и Туниса – девочкой я очень гордилась этим фактом, как будто была к нему причастна.

Со слезами на глазах следила я за тем, как папа проводил свои измерения. Больше всего меня злила процедура взвешивания. Чтобы определить точный вес королька, его опрокидывали вниз головой в стаканчик для взвешивания – так, что наружу торчали только лапки и хвостик. Мне казалось, это унижительно для такого подвижного создания.

В тот день, окончив измерения, отец позволил мне самой выпустить королька на волю. Я аккуратно взяла птичку и протянула руку к окну. Крохотное сердце королька бешено билось, пульсируя о стенки моей ладони. Я прошептала ему извинения за папу, потом поцеловала оранжевую шапочку из оперения и раскрыла ладонь. Королёк стремительно выпорхнул из моих рук и исчез среди деревьев, но всё ещё слышно было его тонкий постепенно повышающийся свист. А я вытирала мокрое от слёз лицо и радовалась освобожде-

нию птицы из временной клетки.

Глава 4

Опять пришла кормить.

А вот не буду я есть! Нужно плотно смыкать губы при попытках влить в меня еду. Вот так. И не просунешь ты ложку между зубами.

Говорит, чтобы выздороветь, нужны силы. Да ты посмотри на меня, зачем мне силы? Для чего эта еда, зачем поддерживать во мне жизнь, если я не говорю, не двигаю ни руками, ни ногами, не ощущаю испражняюсь ли я? А интересно, как я вообще хожу в туалет, еду то она в меня раньше впихивала. Видел как-то у неё в руках что-то белое, похожее на детские подгузники. Наверное, это они и были. Совсем сдурела что ли, надевать на меня подгузники?!

Не буду я есть! Ты же видишь, не хочу я размыкать губы.

А она настойчивая. Такой и была всегда. Выдержала от меня столько гадостей. Терпела, а не уходила. Всё пыталась сохранить семью.

Отошла. Что она интересно делает? Работает? Да когда, если она всё время со мной. Может, отпуск взяла? Но у меня ощущение, что я валяюсь в этой кровати уже вечность.

Дети не приходили, по крайней мере не видел их. Они знают, наверное, что я был в ту ночь не один. Сын как-то говорил, что убьёт меня, если буду продолжать изменять их маме, лез драться. Дочка никогда не простит. Не хотят меня

видеть дети, вот и не приходят. Интересно, увижу я их когда-нибудь снова?

Врач сказал, когда я пришёл в себя, что из нас четверых выжил только я. Видимо, самый грешный. Остальным было позволено умереть, а мне достались мучения.

Клонит в сон. Посплю. Когда сплю хотя бы не думаю.

Глава 5

Он ничего не ел почти сутки. Несколько раз подходила к нему, пыталась всунуть ложку между зубами, не даёт.

Сейчас опять спит. Если, как проснётся, не позволит покормить себя, буду звонить в больницу. Придётся ставить капельницы. Хотя врач говорил, что муж быстрее придёт в себя, если будет питаться естественно.

Ему нужно восстанавливаться, набираться сил и он обязательно поправится, я верю. А мы, семья, поддержим его. Хотя дети до сих пор к нему не пришли, упрямые они у нас. Но поймут, отец всё-таки.

Сию в его изголовье, жду пока откроет глаза. Нужно не пропустить этот момент: покормить как только проснётся, чтобы снова не уснул.

Шевелит ресницами. Буду кормить.

– Да что же это такое?! Ты что, издеваешься надо мной? Ешь, тебе нужно поправляться!

Не даёт засунуть ложку.

– Ну пожалуйста, миленький, я понимаю, что тебе тяжело и настроения нет, но позволь мне покормить тебя.

Нет, не даётся. За что мне это?! Не могу больше, сил нет. Вот, опять реву. И часа не проходит без слёз. Я знаю: он винит себя и хочет умереть. Но он нужен мне, несмотря на то, что вытворял.

Обняла его. Склонила голову на плечо мужа. Как он может ничего не чувствовать? Это же те самые плечи, к которым он ласково прижимал меня в молодости, положив на которые голову я столько раз находила утешение. А теперь он совсем беспомощный.

Ох, дура, намочила всё своими слезами. А он даже не ощущает, что футболка мокрая. Нужно успокоиться.

Ну вот, довела парализованного человека. Он тоже плачет, уже всё лицо мокрое от слёз.

– Милый, не нужно. Всё будет хорошо! Я сейчас вытру. Давай теперь покушаешь? Вот так, да, хорошо.

Глава 6

Снова авария снится. Сколько можно, я и так об этом помню!

Вроде бы просыпался, видел глаза жены над собой. Помню, поцеловала в лоб. От этого поцелуя стало хорошо на душе. На душе? Может быть, у меня и душа омертвела, как всё остальное тело? Хотя душу мою парализовало ещё до аварии.

Проснулся снова. Уже приглушённый свет. Она, наверное, тоже вздремнула. Спит, видимо, в этой же комнате. Надеюсь, не сидя в кресле.

Посплю ещё.

Что такое, опять сумерки? Получается, я сплю сутки. И за это время не помню, чтобы позволил влить в меня еду. А может и больше суток. Откуда мне знать теперь, как течёт у них – у здоровых людей – время. У меня то непрекращающийся ад.

Зря думают, что ад ждёт нас после смерти. Я, например, уже в аду. То, что происходит сейчас со мной – даже хуже. Там горишь себе сам и поделом тебе, близкие не переживают, потому что не видят. А лежать вот так, мучить родных людей и мучиться самому из-за этого – вот это невыносимо. И не чувствовать при этом собственное тело – что может быть хуже? Уж лучше пусть всё болит, чем полное от-

сутствие ощущений.

Подошла. Я же не издавал звуков. Разве что ресницы выдали. Значит, она сидела рядом и ждала, пока откроются мои глаза. Не только я прикован к этой постели, но и она.

Опять ложка возле губ. Не размыкаю.

Опустила ложку в изнеможении. Склонила голову на мою ничего не чувствующую грудь, обняла. Её плечи содрогаются в рыданиях. Какой же я подонок, даже в таком состоянии продолжаю мучить её.

У самого, похоже, тоже глаза мокрые. Подняла голову и посмотрела на меня. Её прекрасные большие синие глаза наполнены слезами. Из-за меня.

Заметила, что я тоже плачу. Утёрла свои слезы, потом мои. Наклонилась ко мне, и поцеловала в лоб.

Ложка снова у рта. Разомкнул губы. Ради неё.

Глава 7

Знала ли я, что он изменял? Догадывалась.

Хотела ли получить доказательства? Скорее, отдаляла этот момент. Не видела смысла в том, чтобы устраивать скандалы, заставлять мужа клясться в верности. Если он ходит на сторону, значит не получает чего-то дома, в семье. Спрашивала его: «может быть, мне нужно делать что-то по-другому»? Он каждый раз отвечал «всё в порядке». Обнимать во сне перестал уже лет семь назад. Близки были несколько раз в год – когда у него, видимо, замены на стороне временно не было (за прошлый год насчитала всего четыре раза).

Я постарела, стала некрасивой. Морщины глубокие. Живот появился – ещё после родов и никак не сходит. Хотя подруги и знакомые говорят, что выгляжу я моложе своих сверстниц. Хожу по беговой дорожке во дворе, стараюсь не переедать. Но в любом случае я уже не та девочка, на которой он женился.

Но ведь и он изменился. Даже спортом не занимается и любитель наесться до отвала. У него тоже живот, тоже морщины, и он тоже постарел. Хотя некоторые мужчины и в 70 считают, что неважно, как сам выглядишь: раз молодые девушки ведутся, значит, всё в порядке, лишь бы кошелек был толстый и половой орган работал.

Конечно, мне было больно. Когда узнала, что в той маши-

не он был с другой, сначала даже ехать в больницу не хотела. Думала броситься с моста. Но жалко его стало – некому, кроме меня, о нём заботиться.

Убеждаю себя в том, что все имеют право на ошибку.

Хотя он ошибался слишком часто.

Глава 8

Я помню дрожь, которую испытывал, впервые касаясь её тела.

Однажды вечером в городском парке.

Всё трепетало. Каждая клетка моего тела хотела найти парную на её теле и слиться с ней. Было лето, мы нашли укромное место в кустах, я снял куртку и застелил траву. Не существовало ничего вокруг: ни травы, которая колола даже через куртку; ни шума из расположенного неподалёку ночного клуба; ни луны, которая подсматривала сверху; ни даже звёзд, которые подмигивали нам, непослушным детям. В тот вечер во всей вселенной были только мы с ней. Я никогда больше не ощущал этого. Не знаю, как назвать стремление слиться с твоим человеком, это выше определений. Та ночь – до сих пор самая особенная в моей жизни.

Тогда она стала моей. Мы с трудом дождались совершеннолетия и расписались. Наши родители, вчетвером, отговаривали нас от раннего замужества. Её отец объявлял домашний арест, а я тихонько проникал к ней в комнату через окно.

Мы дышали друг другом. Не могли по отдельности, как человек не может без воздуха. И даже готовы были отказаться от воздуха – лишь бы быть вместе.

Я предложил ей стать моей женой, надев на палец обручальное кольцо из старой бабушкиной шкатулки. Шкатулку

эту, умирая, отдал мне дедушка. Дед всю свою жизнь оставался влюбленным в бабушку и это было то самое кольцо, с которым он сделал ей предложение когда-то, лет семьдесят назад. Дедушка был уверен, что мне оно тоже принесёт счастье.

И я действительно был безумно счастлив, когда она позволила мне надеть это вековое кольцо на тонкий безымянный палец, который дрожал от волнения!

Первая брачная ночь была для нас далеко не первой. Но мы настолько сильно желали друг друга и настолько были опьянены счастьем, что, казалось, в ту ночь поднялись на небо и занимались любовью в облаках. В тех самых облаках, за которыми наблюдаешь, если в самолёте повезёт с местом у окна. Мы будто перелетали с облака на облако, парили в нашей радости и страсти.

Мы верили, что будем вместе до самого конца, что наша любовь – вечна, что, кто бы ни встретился на нашем пути, мы останемся самыми близкими людьми на планете.

Та девушка – моя жена. Только с ней связаны все важнейшие события, прорисовавшие мой жизненный путь. Без неё я не был бы собой, без неё меня бы просто не было. Но я только сейчас начинаю это понимать.

Глава 9

Всё пыталась выяснить, делаю ли я что-то не так. В том числе и в постели.

Ходила даже на курсы со скромным для таких занятий названием «Как доставить мужчине удовольствие» (услышала об их существовании случайно – молодые коллеги обсуждали). Взяла отгул и поехала в соседний город.

Так стыдно мне ещё никогда не было. Страшно боялась встретить знакомых – на самом занятии или рядом со старинным особняком, в котором располагался тренинг-центр.

Урок был комичный и по неловкости напоминал первые уроки анатомии в школе. Нам раздали искусственные мужские органы и учили всячески их улаживать.

В комплект каждой ученицы, помимо самого органа, входили брошюры-памятки с описаниями техник и даже мятные леденцы – старинное средство от тошноты. Всё это пришлось потом выбросить в урну в привокзальном туалете. Только брошюра задержалась чуть дольше – я перечитывала её в электричке по пути обратно, озираясь при этом, как бы никто не заметил характер моей литературы.

В тот же вечер (пока навыки свежи) решила порадовать мужа. Надела шёлковую ночную рубашку, которая когда-то ему нравилась. Подошла к кровати.

Он читал книгу. Я подползла к нему. Как строго наказали,

не стала прятаться под одеялом, а разместилась так, чтобы он мог лицезреть меня, делающую ему приятно.

Он замер. Я начала пробовать техники, которые только что учила. Но в голове всё перемешалось. Получалось как-то неуверенно, сбивчиво. Видимо, от волнения. Не сумела сдержать рвотный рефлекс.

Муж поднял меня, сказал «Не нужно». И по-быстрому эгоистично выполнил супружескую обязанность. В привычной для него позе – так, чтобы не приходилось меня целовать.

Глава 10

Помню как однажды ночью её бабушке пришлось взять в руки лопату, чтобы заставить нас разойтись по домам. Нам было тогда лет по 16.

Я любил дни, когда она ночевала у своей бабушки – можно было погулять подольше. Папа велел ей возвращаться к десяти вечера, а бабушка разрешала гулять со мной до двенадцати часов ночи. Я привёл её до полуночи, как обещал. Она зашла и отпросилась посидеть немного на лавочке возле дома. Но мы всё сидели и сидели. Бабушка выходила из калитки несколько раз, звала её, а мы никак не могли расстаться. Потом слышали шум и увидели сначала лопату, а потом и самую старушку.

Она была доброй, её бабушка, но мы досидели до трёх часов ночи, по-другому нас было не оторвать друг от друга. Перед видом такой угрозы мне пришлось отпустить любимую домой. А сам я ещё долго сидел на лавочке, мечтал и смотрел на звёзды.

Мы часто вспоминали этот забавный случай.

Раньше часто. Последние годы мы избегали любое обсуждение того, что имело романтический подтекст. Я избегал.

И не целовал её. Даже в день рождения, когда дарил туалетную воду. Заранее спрашивал, какой подарок ей хотелось бы получить. Она отшучивалась. Наверное, ждала сюр-

приз. А я неизменно покупал духи и при поздравлении обнимал её так, как обнимают дальних родственников, неожиданно оказавшихся в дверях. Я выполнял свой долг, скучно, без наслаждения.

А она всегда устраивала в мой день рождения праздник. Пекла торт, покупала мне что-нибудь из вещей (которые я без угрызания совести потом носил) или книги, или билеты на концерты моих любимых групп. Дети украшали дом и были наготове, когда я спускался на завтрак, вручали рисунки. Они всегда поздравляли меня все вместе, как будто у нас была настоящая семья.

Зато я устраивал праздники себе. В сауне, под водку, с девушками – молодыми, эффектными, готовыми на всё ради денег.

Глава 11

Конечно, проще было уйти. Но я люблю мужа. Он отец моих детей. И дети его любят, даже несмотря на то, что пока так к нему и не пришли.

Я не могла оставить его без поддержки. Хотя понимаю, что мне самой без него было бы легче – и раньше, и сейчас.

Есть человек, который обожает меня. Мы встречались ещё в школе, больше тридцати лет назад, а он до сих пор не женился. Если бы я только сделала шаг навстречу, знаю: он носил бы меня на руках. Помогал бы с домашними делами, в отличие от мужа. Мне действительно было бы с ним легко. Я каждый день чувствовала бы себя любимой. Но я бы не любила. А давать для меня – не менее важно, чем брать.

Раньше, когда слышала о прикованных к постели, страшно было даже представить это. Такое несчастье – лежать, не имея возможности двигаться. Думала, что если подобное произойдет со мной, лучше умереть, а если парализует близкого человека – гуманнее помочь ему уйти из этой мучительной жизни. Но сейчас виню себя за те мысли.

Мы должны оставаться с любимыми столько, сколько возможно – до самого конца. Пока дух человека живёт в этом мире, пока открываются его глаза, пока чувствуешь его мысли, он несёт в себе свет, он нужен этому миру. И, главное, он нужен семье.

Сейчас, даже несмотря на то, что мой муж прикован к постели, не разговаривает, не ходит самостоятельно в туалет, у меня всё ещё есть муж. Я могу кормить его, заботиться, думать о нём, гадать о чём же думает он (хотя после стольких лет совместной жизни я уже почти в любой момент знаю его мысли).

Понимаю, что ему больно, что он чувствует себя виноватым, что не хочет, чтобы я продолжала мучиться с ним. Но он не понимает, насколько важно для меня то, что он рядом – живой, хоть и раздавленный. Я всё сделаю, чтобы он снова ходил, чтобы смеялся, чтобы вспомнил, что любит меня.

Глава 12

Помню, дочь как-то пришла с актёрского кружка с вшами (оказалось, и в двадцать первом веке такое бывает). У неё были тогда красивые длинные чёрные волосы. Ей было лет 10. Жена и дочь что только ни делала, чтобы избавиться от паразитов. Месяц бились с ними. Средства разные, шампуни, специальный гребень, которым вычесывали гнид. Жена переживала тогда сильно. А я только шутил – ни разу не прикоснувшись к волосам дочки.

А сын однажды вернулся из школы расстроенным – учитель был уверен, что у него нет отца. Я же ни разу на родительских собраниях не появлялся. Мальчик переживал: любил папочку, которому дела до его учёбы не было.

Моё время с детьми ограничивалось развлечениями. Я возил их в кино или на каток, иногда встречал из школы, целовал перед сном. Я сам с ними отдыхал.

Всё остальное делала жена. Готовила, убирала, стирала, гладила, собирала детей в школу, учила с ними уроки, и работала (она главный бухгалтер).

После работы жена возвращалась исправно вовремя, чтобы успеть к моему приходу приготовить ужин, а я возмущался, если два вечера подряд мы ели одно и то же блюдо. Она кормила нас всех завтраками, а я делал ей замечания. Помню, я был как-то в плохом настроении (очередная любовни-

да морочила мне голову) и за завтраком обвинил жену в том, что яйцо переварено – желток в нём был, якобы, не той консистенции, как я люблю. Я громко выругался и бросил яйцо через всю комнату в урну, но промахнулся и яйцо, разбившись, испачкало стену. Дети испугались. Жена, скрывая от них слёзы, принялась убирать мусор и вытирать грязь. А ведь ей до работы нужно было ещё успеть завезти детей в школу.

Я ни разу не поблагодарил её за вкусный ужин. Принимал всё как должное. Привык, а жена не требовала.

Она никогда не жаловалась. Молча тянула лямку терпливой жены, прекрасной матери, профессионального главного бухгалтера. А теперь она ещё и сиделка. И по-прежнему не жалуется.

Глава 13

Одна знакомая обманом приучила своего мужа и сыновей выполнять всю работу по дому. Она объявила им о том, что у неё какая-то болезнь – то ли рук, то ли кистей, я уже точно не помню. По субботам, когда муж и сыновья занимались уборкой, она отправлялась в салон красоты или встречалась с подругами.

У этой знакомой, однозначно, было меньше забот, чем у меня. Но мне и в голову не пришло бы лгать близкому человеку ради того, чтобы он сам почистил унитаз, погладил рубашку или сварил суп.

Мне всегда было приятно заботиться о муже и о детях. Так поступала моя мама, и бабушка тоже. Не знаю, глупость это или мудрость. Этого требовала женская природа: давать ласку и заботу близким. Но я хотела чувствовать, что муж это ценит. Мне было бы приятно, если бы он хотя бы иногда благодарил за обед. Я мечтала о том, чтобы он обнял меня после ужина, похвалил мои старания, поцеловал (хотя бы в щёку).

Я сама виновата – приучила его к тому, что мне не нужна помощь. Хотя иногда я смертельно уставала от всех домашних забот, которые лежали исключительно на моих плечах. Когда приходила с работы, мне нужно было приготовить ужин, накормить семью, убрать со стола, помыть посуду, по-

мочь детям с уроками. А муж, развалившись в кресле, смотрел телевизор или уезжал по каким-то своим делам (лучше было не думать по каким делам).

Теперь я понимаю, что нужно было разделить обязанности в самом начале нашей семейной жизни – когда чувства свежи и люди ещё делают попытки притереться друг к другу. После трёх десятилетий вместе сложно уже что-то поменять.

Глава 14

Меня всегда удивляли мужчины, которые вечно носились со своими жёнами.

Как только подходил к концу рабочий день, бежали домой. Покупали жёнам цветы. Мучались с выбором подарков. Готовили романтические ужины. Волновались, когда жена не звонила, и звонили сами. Один мой знакомый (я уволил его потом) каждое утро готовил завтрак и приносил его жене в постель. И это после семнадцати лет совместной жизни! Я не понимал, как он может, не стесняясь, рассказывать об этом коллегам. Мне это казалось слабостью, бабской сентиментальностью.

У нас в семье всё было по-другому.

За эти годы я ни разу не приготовил ужин. Хотя нет, однажды – в первый год брака, когда она уехала провести умирающую бабушку. Чтобы поддержать жену, я решился приготовить к её приезду ужин. Она любит пасту карбонара, но это блюдо казалось мне слишком сложным и я взялся приготовить стейк с рисом (почему-то думал, что со стейком выйдет попроще). Рис сильно разварился, а стейк стал похож на подошву от сапога. Порезал овощи для салата, правда заправил его майонезом. Еда получилась ужасная, но жена очень обрадовалась. На этом мои кулинарные опыты прекратились. Я ленивый мерзавец.

Одним из наших любимых семейных блюд были макароны по-флотски. Дети думали (и до сих пор, наверное, так думают), что готовил их я. Жена придумала такую легенду. Дети всегда очень радовались, когда ели макароны по-флотски, хвалили меня. Я принимал похвалы как должное, как будто это действительно был мой труд.

Я не хотел тратить на посудомоечную машину. Зачем? Посуда и так всегда вымытая, и ни разу – мной. Даже в тот единственный вечер, когда я приготовил подгоревший стейк, рис и салат с майонезом, жена, уставшая, мыла посуду сама.

Если бы я мог сейчас помогать ей, я бы делал всё! Лишь бы она была счастлива, наконец.

Глава 15

Дочь звонит каждый день. Спрашивает как отец.

Нового мне ей сообщить нечего. У мужа теперь каждый день похож на предыдущий. И у меня тоже – верчусь вокруг его постели как белка в колесе.

После аварии дочка предлагала устроить отца в хоспис, а я должна была «начать новую жизнь». Я знала, что она говорит это не со зла. Обстоятельства аварии были для неё ещё большим шоком, чем для меня.

Она сейчас в командировке. Сегодня должна вернуться, обещала сразу приехать к нам.

Доченька много работает, а раньше много училась. Ребёнком у неё постоянно были какие-то увлечения, которые поглощали её полностью. Одно время она увлекалась скрипкой и играла сутки напролёт. Потом забросила музыку и с таким же упоением принялась учить французский язык. А когда в школе началось черчение, оно захватило её целиком, это увлечение стало работой.

Дочь – архитектор. В детстве она могла часами строить башни из кубиков. Открытки с известными сооружениями всегда были её любимыми. Когда мы ехали в отпуск, она составляла маршруты так, чтобы посетить памятники архитектуры. Мы разрывались, пытаясь всё успеть. Сын, наоборот, не любил экскурсии – ему нужно было веселье, оживлённые

места, концерты, аттракционы.

Первым проектом дочери стало новое здание городской библиотеки. Нашёлся спонсор, среди молодых архитекторов организовали конкурс. Её проект победил. Она была безумно счастлива. Отец подарил ей тогда машину (нужно было много перемещаться по городу).

Теперь она востребованный архитектор. Хотя ей нет ещё и 30 лет. В этот раз она была в Дубае, как главный архитектор одного из объектов. Горжусь дочкой.

А вот и она! Пойду открывать.

Выглядит уставшей. Видимо, прямо с самолёта к нам.

Глава 16

Дочь? Её голос! Неужели, пришла? Боялся, что потерял своих детей навсегда.

Поздоровалась с матерью. Поцеловала её. Наверное, обнялись. Дети любят жену – она посвящала им всю себя.

Подошла к кровати, смотрит. Глазёнки красные. Порывалась броситься ко мне, обнять. Видимо, одёрнула себя. Заплакала.

Выбежала из комнаты, не хочет показаться слабой. Слышу, рыдает навзрыд в коридоре. Дверь захлопнулась дважды – жена, видимо, вышла вслед за ней.

Презирает меня дочка. Я сам себя презираю. Если б мог двигаться, выбросился бы из окна. Но я даже это сделать не могу, лежу овощем.

Возвращаются. Дочь села рядом. Всхлипывает.

– Прости, что раньше не приезжала. Была в командировке. Вот сегодня вернулась и сразу к вам.

Замолчала. Как же это тупо: хочу попросить прощения, а не могу. Пытаюсь говорить, а получается только мычание. Промычал – сам ужаснулся. Дочь опять всхлипнула.

Какая она красавица. 29 лет. Только вчера, кажется, была маленькой. Я мог кружить её, пока не устанет. Очень любила кружиться. И прыгать с рук в море. Теперь не то, что покружить, я даже сказать ей ничего не могу. А что бы я

сказал? «Прости, я люблю тебя»? Она это знает. Мою вину слова не искупят. Это звучало бы как оправдание, а тут не оправдываться нужно. Заботиться о них – всё, чего я хотел бы. Но теперь я не способен на это, наоборот, они обо мне продолжают заботиться.

– Врач сказал, тебе нужно питаться. Должны витамины поступать. Твой организм сейчас занимается восстановлением, нужно ему помогать. Пообещай, что ты будешь есть?

Промычал. Она удовлетворённо кивнула. Но опять всхлипнула.

– Сейчас мне нужно идти. Меня на объекте ждут. Но я приду завтра.

Снова промычал в ответ. Собрала эмоции в кулак – сильная она, хоть и плачет, вся в мать.

Подавила слёзы, наклонилась ко мне и поцеловала в лоб. Почему-то всех больных близкие люди целуют в лоб, как детей. Наверное, поцелуй в лоб – индикатор нежности и преданности. В лоб целуют, когда не стесняются показать насколько любим и дорог человек.

Доченька, это самый заветный поцелуй в моей жизни! Надеюсь, когда-нибудь я смогу обнять тебя. Если ты позволишь.

А сын, наверное, не придёт. Он меня никогда не простит.

Глава 17

Расстроилась доченька, разревелась. Не ожидала, что папа, который всегда был сильным, носил её на руках, станет таким немощным.

Пожалела, думаю, что злилась на него. Она уже достаточно взрослая, чтобы понимать: никто не застрахован от ошибок.

Он счастлив, что дочь пришла. Думал, наверное, дети отвернулись от него. Хотя, конечно, ждал, что придут. Дочь вот добралась. Сын ещё злится, но он простит и придёт повидать отца. Мы ведь семья. А муж выздоровеет, я верю. У нас хороший врач. Приходит каждый день, проверяет его, делает массаж. Врач массирует всё тело по утрам, а я по вечерам. С таким диагнозом как у мужа, некоторые так и не начинают ходить. Но я надеюсь на чудо, и на любовь.

Часто вспоминаю, как сын лежал после травмы. Ему было 19 лет. Сломал бедро. Упал со стропы. Тогда он только начинал заниматься своим слэक्лайном.

Я даже не знала, что это такое. Оказывается, ребята натягивают стропу между двумя неподвижными объектами и ходят по ней, балансируя. Начинал сын на маленькой высоте в городских парках. Потом забирался всё выше. И вот как-то сорвался со стропы и упал. Сделали операцию, поставили фиксаторы для закрепления костей в правильном поло-

жении. Полгода он мучился. Массаж тогда тоже делали, ногу разминали. Больно видеть, как сын, которого раньше не заставишь и пяти минут посидеть на одном месте, лежит с переломанной ногой. Для него самого это был шок. Но окреп и снова принялся за слэклайн.

Сейчас уже на большой высоте ходит. Прошу, чтобы страховкой пользовался. Но видела фотографии: идёт по стропе, натянутой между зданиями, и без страховки.

Очень волнуюсь за сына. Он еще и порывистый такой, огненный у него темперамент. Не знаю, в кого он. Мы с мужем никогда никакими экстремальными видами спорта не занимались. Может быть, его потому и тянет на это?

Я не отговариваю. Это лучше, чем пить или курить. Вот отец их по пьяному делу чуть жизни не лишился.

Глава 18

Проснулся от крика. Кто-то ругался в коридоре. Сын! Его голос.

– Почему ты носишься с этим подонком, он же предал тебя?! И продолжает мучить. У тебя уже одни глаза торчат, щёки впали. Я не хочу, чтобы ты угробила себя из-за него.

– Он твой отец! Все ошибаются. Не говори так о нём, пожалуйста.

– Он давно умер для меня как отец!

– Не надо так, сынок, – голос срывается. Сейчас заплачет, бедная моя жена.

– Почему ты отказалась от сиделки? Тебе нужно продолжать жить, на работу хотя бы ходить.

– После того как я оставляла его с сиделкой, он был сам не свой. Не мог уснуть. Переставал даже пытаться говорить, а он должен постоянно тренироваться. Сиделка – чужой человек, а ему нужна забота, ласка. У него тяжелое положение, он нуждается в нас.

– Ты даже не спишь, мам, ты так долго не протянешь.

– Ничего, сынок. Сплю, не волнуйся. Сейчас острый период, он сильно мучается. Скоро станет легче.

– Не хочу больше про него слышать! Я пошёл. Принесу завтра днём продукты.

Сын выругался и хлопнул дверью.

Жена вошла в комнату. Глаза мокрые. Поправляет одеяло. Поняла, что я всё слышал.

– Упрямый мальчик. Но ты не волнуйся, он поймёт, оттаёт.

Какая она добрая. Гореть мне в аду, что обижал её. Хотя я же уже в аду: прагматичный и похотливый подонок, которым я был, разбился насмерть в той аварии.

Щёки и правда впали. Глаза уставшие и сейчас мокрые. Но всё равно красивая, самая красивая женщина на свете. Если выживу и смогу ходить, буду носить её на руках. Если не будет поздно.

За что она только любит меня? А ведь любит, и сильно, так преданно она заботится обо мне, жертвуя собой. Хоть плакать не разучился. И уже могу ощущать: потекло по щекам, во рту солёное и на подбородок стекает. Она увидела – и у неё опять слёзы. Вытерла ладошкой моё лицо.

– Всё будет хорошо!

Она действительно в это верит. Наклонилась надо мной, обняла за плечи.

Любимая, жена, самый важный человек для меня! Мне нужно было почти умереть для того, чтобы понять это.

Глава 19

Когда была юной и неопытной, считала, что не прошу мужчине измену.

Говорила об этом мужу в самом начале наших отношений. Может, ещё и поэтому он никогда не признавался.

Я ему не изменяла. Мы поклялись в верности, когда стали мужем и женой, и я хранила свою клятву. Говорят, женщинам проще устоять, – не знаю.

Сейчас моё отношение к изменам стало трезвее. Наверное, я научилась прощать. Но не уверена, что если бы застукала его с другой или прочла откровенную переписку, не рассыпалась бы внутри на части.

Конечно, я догадывалась, но сама отдаляла момент истины. Когда он не возвращался домой вовремя или у него неожиданно возникали ночные «деловые» встречи, я подавляла в себе злость и ревность.

Я знала, что он всегда любил меня. Просто любовь стала другой, у меня тоже. Уверена, что он даже выбор никогда не делал, не задумывался о разводе. Семья была важна для него. Но у него пропал интерес ко мне как к женщине. Это неудивительно, после стольких лет вместе. Страсть нужно поддерживать, но он выбирал лёгкий путь. Теплоту, поддержку, заботу он получал в семье, а новые страстные впечатления – с любовницами. Ему было удобно.

Один мой знакомый сравнивает измены с прогулками в магазин за хлебом.

Например, мужчина любит французский багет, покупает его обычно в ларьке возле дома. Но как-то вечером он заходит в ларёк, а багета нет. Заходит во второй раз, в третий – багета всё нет. Продавцы говорят: временно прекратился завоз. А по соседству, в это самое время, открывается супермаркет – крупный, с полным ассортиментом товаров. До супермаркета идти два квартала, но зато там всегда в наличии свежий французский багет. Мужчина начинает захаживать в новое заведение, а когда проходит мимо ларька, любезно улыбается продавцам (он не виноват: появится у них багет, он снова станет их верным покупателем).

Так вот, мой знакомый считает, что походы налево – вовсе не супружеская измена, а всего лишь временная замена места получения багета.

Меня огорчает настолько циничный взгляд. Но когда вспоминаю бесстыжие глаза мужа и невозмутимый тон, каким он лгал мне и детям, понимаю, что такое эгоистичное отношение к предательству очень похоже и на него.

Глава 20

Лежу, размышляю, что ещё остаётся. Всё пытаюсь понять: чего мне не хватало, когда я начал своё отречение от семьи?

Поддержка была. Понимание – тоже. Жена всегда готова выслушать, помочь и делом, и советом. Дети прекрасные. В бизнесе всё хорошо шло, хотя, когда поженились, у нас совсем ничего не было, вместе всего добивались.

Я действительно сильно любил жену, как никого до неё и никого после. Но когда появилось больше денег, на меня начали обращать внимание молоденькие девушки (хотя не на меня, а на бумажник, скорее всего).

Помню как первый раз изменил жене. С секретаршей – высокой, с пышными формами. За эти самые формы я её и на работу взял. Она была настолько глупой, что мне приходилось самому набирать международные номера, никак не могла запомнить комбинацию для звонка.

Всех женщин, с кем был близок, и не вспомню сейчас. Я был с ними диким животным, хотя животные в этом плане чище людей.

У меня не было никакого уважения к женщинам, с которыми я спал. Не имело значения то, какие они, что за мысли витают в их хорошеньких головах, что они чувствуют. Женщина со мной из-за денег? Ну и пусть, это только подхлестывало моё желание грубо овладеть ею.

Согласен с теми, кто сравнивает несдержанность в сексе со страстью к шоколадным батончикам или к сладким газированным напиткам. Чем больше употребляешь, тем сильнее хочется, становишься зависимым — как от батончиков и газировки, так и от беспорядочного секса.

Я даже не помню, как звали девушек, которые были с нами в машине в ту роковую ночь. Мы с моим заместителем познакомились с ними в ночном клубе. Девушки были одного возраста с моей дочерью. Мы хотели ими жадно попользоваться, а, в итоге, ещё и погубили, в той жуткой аварии.

Я слышал, мужчины заводят другую, потому что не получают теплоту и нежность дома — от жены. А я, наверное, был избалован нежностью и теплотой. И перестал ценить.

Глава 21

Дети спрашивали, верю ли я их отцу, не ревную ли.

Сын злился – думаю, знал что-то. Он работал одно время вместе с отцом, но в какой-то момент неожиданно нашёл другую работу. Сказал, что ему предложили перспективное место, но у них с отцом резко испортились отношения.

Мне кажется, он застал мужа с кем-то на работе – видимо, с другой женщиной. Я чувствовала, что сын злится не только на отца, но и на меня (за то, что терплю), и на себя (за то, что стал свидетелем лжи).

С тех пор муж стал отдаляться от нас ещё сильнее. Его практически не бывало к ужину. Видимо, боялся встреч с сыном.

Дочь всё хотела найти доказательства. Однажды, когда муж пошёл в душ, он оставил телефон на тумбочке возле телевизора (забыл спрятать, как делал обычно). Когда я вошла в комнату, дочка держала в руке его телефон. Я запретила ей копаться в нём. Не знаю, столько ли от того, что это было неуважение к отцу, или потому что сама не хотела убеждаться в обмане. В тот вечер я оставила себя без доказательств.

Но авария расставила всё по своим местам. В той машине он был со своим помощником и двумя женщинами. Все погибли, в живых остался только муж.

Дочь перестала называть его папой. Теперь говорит

«отец», хотя раньше никогда его так не называла. А сын, когда всё это случилось, сказал: «Лучше б он сдох», я заплакала.

В больнице, куда его привезли после аварии, на меня смотрели с жалостью, как на неудачницу. Дежурила у операционной. Потом сидела дни и ночи в кресле у его кровати. В кресле же и засыпала. Отказывалась от еды.

Простила его. Но до сих пор больно.

Глупо это: из-за минутных слабостей ставить под удар семью.

Глава 22

Я даже ревновал жену. Привык изменять, судил по себе. Забыл, что на свете существует верность и преданность, что когда-то сам был способен на чистую любовь.

У меня не было для ревности никаких оснований. Жена либо работала, либо занималась детьми. Свободного времени у неё не было совсем, в отличие от меня.

Я ревновал её ко всем подряд, она красивая женщина. Но особенно к тому парню, у которого я её отбил. Одноклассник жены, он до сих пор её любит – я уверен в этом. Он даже не женился, хотя прошла уже вечность после того, как они сидели за одной партой. Сейчас он генеральный директор той фирмы, в которой жена работает.

Однажды этот её одноклассник увидел меня с любовницей. Мы выходили из отеля (сняли номер на обеденное время). Я проверял на ходу ширинку, а у моей спутницы был потасканный вид. Одноклассник жены заходил внутрь. Мы поздоровались и видно было, что он всё понял.

Я опасался, что он расскажет жене (это было козырем в его руках, он ведь хочет быть с ней). Опасался не потому, что не хотел причинить ей боль. Семья – моя территория, я не готов был кого-либо на неё допускать. Я вернулся домой в тот вечер злым, стал расспрашивать о нём, говорил, что она должна уволиться. Жена не понимала моего напора, уверя-

ла, что они друзья, что между ними ничего не было с тех пор, как она выбрала меня. И это была правда. Но тогда я не верил, потому что был всецело во власти ревности. Ревность вызывала во мне агрессию. Сказывалось ещё то, что я много пил (крепкий алкоголь делает меня неуправляемым).

Жена стояла возле раковины, мыла посуду после ужина. Я сидел за столом и пил коньяк. Во мне кипела злость. Матерясь, я встал из-за стола и бросил в жену бутылку. Я целился в голову и задел голову.

Бутылка отскочила от лица жены и ударилась о шкаф. Бровь была рассечена. На щёку стекала кровь. Прибежали дети.

Помню, мне не было жаль жену. Я велел сыну вызвать скорую, а сам ушел в бар, пить. Когда уходил, у жены была тошнота, дочь принесла тазик. Опух правый глаз под рассечённой бровью. Но мне было всё равно. Я ушёл.

Врачам жена сказала, что упала по неосторожности и ударилась о ножку стола. Думаю, они не поверили.

Глава 23

Его первое слово после месяцев молчания обрадовало меня сильнее, чем первые слова, произнесённые нашими детьми!

Было раннее утро. Он спал беспокойно, всё стонал. Мне кажется, во сне его преследует авария. Он пытается крикнуть что-то, просыпается испуганным, в поту. Под утро стон был душераздирающий. Я встала, пощупала лоб – у него был жар. Намочила полотенце и положила ему на виски. Обняла, пытаюсь успокоить. Шептала ему, что всё хорошо, что это всего лишь страшный сон, что я здесь, рядом с ним.

Повернула голову к нему и увидела, что он плачет. В эти месяцы он стал таким чувствительным. Хотя за тридцать три года я видела слёзы на лице мужа лишь однажды – когда умерла его мама.

Вытерла слёзы. Сказала, что люблю его и что он молодец, держится.

Пошла на кухню готовить завтрак. И тут услышала звук из комнаты – мужской голос. Думала, померещилось. Решила проверить – может, радио включилось.

Вошла в комнату, а он радостно кричит: «Она движется! Нога движется!». Его лицо было снова в слезах, только на этот раз от счастья.

Так он заговорил.

И в тот день его тело начало возвращаться к жизни. Муж оживал.

Глава 24

Жена массирует моё обездвиженное тело один раз в день – вечером. А по утрам массаж делает врач. Мне кажется, они зря тратят время. Моё тело, похоже, мертво.

Я не надеюсь. Продолжаю существовать. Пока она этого хочет. И потому что я не в состоянии увести себя из этой «жизни» – не могу встать и шагнуть в окно.

Она вышла. Стучит посудой на кухне. Видимо, скоро опять время еды. Я ем только потому, что она так хочет.

Что это?

Как будто какое-то движение под одеялом. Что-то почувствовал. Странно. Движение... – пусть лёгкое, но в том месте, где его не было уже очень давно.

У меня движется нога!

Я не верю в это. Не может быть! То же, наверное, почувствовал бы человек, у которого вдруг выросла третья нога.

Я закричал: «Нога! Движется!». Забыл, что не умею говорить, что разучился.

Жена прибежала. Мы не знали, чему радоваться больше – тому, что я снова говорю или тому, что мои конечности, наконец, обрели жизнь.

Глава 25

Захотелось посмотреть наши свадебные фотографии. Достала альбом из шкафа, протёрла от пыли. Давно мы его не листали. Спросила у мужа, хочет ли он присоединиться. Мне показалось, муж замешкался (наверное, стыдно смотреть на тех чистых возлюбленных, какими мы тогда были), но ответил: «Очень хочу». Помогла ему облокотиться на спинку кровати. Села в изголовье, листаю.

Мы здесь совсем дети, моложе наших детей теперь, и счастливые. Я в длинном пышном платье, как мечтала. Платье сшила мама. Обувь искали долго: у меня 35 размер и нога узкая, в итоге тётя привезла туфли из командировки в Италию. Фата была красивая. И причёска.

Белые миниатюрные розы смотрелись нежно на моих чёрных длинных волосах. Знакомый парикмахер сделал свадебную причёску за полцены – посчитал её как вечернюю. Такую же розочку, как у меня в волосах, жених прикрепил к карману своего пиджака.

Он был красивый. И так сильно любил меня тогда! Я без тени сомнения сказала «Да» и произнесла клятву. Чувствовала себя, наконец, настоящей женщиной. Наконец – потому что в том возрасте нам хотелось поскорее стать взрослыми.

Мы любили. Чистой и сильной любовью. Всё было так, как должно было быть. Если не для нас, любящих друг друга

всем сердцем, создан институт брака, то для кого же?

А вот мы танцуем первый танец молодожёнов. Под нашу песню – ту самую, под которую всё началось, когда он впервые пригласил меня на медленный танец. Это было тридцать четыре года назад. Я пришла на дискотеку одна, что было редкостью – мой тогдашний парень не отпускал меня ни на шаг. Мы учились с тем парнем вместе с первого класса, в старших классах начали встречаться. Он клялся мне в вечной любви, а мне чего-то не хватало.

Будущий муж казался мне интересным. Я замечала его влюблённые глаза. В тот вечер, когда по стечению обстоятельств я пришла на дискотеку одна, он робко подошёл и, смущаясь, спросил, станцую ли я с ним. Я согласилась (может быть, судьба стояла позади и подтолкнула меня к нему). Мне нравилась та песня. Я аккуратно положила руки на его плечи, а он – на мою талию. Мы танцевали, сохраняя дистанцию, и тайно посматривали друг на друга. В какой-то миг наши глаза встретились – с тех пор мы не расставались.

Я до сих пор люблю его так же сильно, как в то далёкое время. Муж для меня – всё тот же мальчик, который одним летним вечером пригласил меня на медленный танец и робко поцеловал.

Глава 26

Листаем свадебный альбом. Жена захотела. Спросила, хочу ли я посмотреть. Конечно, хотел, но боялся.

У нас была традиционная свадьба. Сотня гостей, ведущий, конкурсы, поцелуи под возгласы «Горько!». Осталось много фотографий. Жена в белом платье до пола, в туфлях на высоченных каблуках (всё переживала, что она ниже меня, хотя я, наоборот, был без ума от этого). На её голове – фата.

Я в чёрном костюме и белой рубашке. Без галстука – отказался его надевать, упёртый баран. Но с живой розой в левом кармашке пиджака – точно такой же, как в волосах прекрасной невесты.

Мы были безумно счастливы. Этот парень на фото верил, что никто, кроме этой девчушки, ему не нужен и никогда не будет нужен. Мы любили и светились.

Если бы явился на нашу свадьбу кто-то прагматичный и сказал: «вы всё это растеряете: любовь, чистые намерения, честность, готовность понимать и поддерживать друг друга, между вами встанет быт, другие женщины и мужчины, деньги», – его гнали бы в шею. А мы продолжали бы целоваться и танцевать. Эта прекрасная девушка, уже жена, в белом платье, положила бы голову мне на плечо. Я обнял бы её настолько крепко, насколько возможно, чтобы не сломать ей

рёбра. Мы двигались бы в такт нашей песни. И счастливее нас не было бы людей на всей Земле.

Прекрасные годы, лучшие в моей жизни! Я ни секунды не сомневался, когда произносил «Да» – это было самое твёрдое и желанное решение, когда-либо принятое мною. Когда у неё спросили, готова ли она стать моей женой, моё сердце замерло в ожидании. Её ответ определял всю мою жизнь. Её «Да» сделало бы меня самым счастливым на свете, её «Нет» – самым несчастным. Она сказала: «Да».

И жена сдержала данную в тот день клятву. А я нарушал её так много раз, что мне стыдно теперь смотреть на лица этих молодых счастливых возлюбленных на старых свадебных снимках.

Глава 27

Когда же я перестану быть такой впечатлительной? Мне уже пятьдесят, а я принимаю слова людей близко к сердцу как какая-то девчонка.

Сейчас ходила в продуктовый магазин возле дома. Услышала, как молодые продавщицы обсуждали меня: «Это та, которой муж изменял направо и налево, а она теперь отхаживает его, глупая». Они стояли рядом со мной – понимали, что я слышу, но им было всё равно. Вроде бы, чужие люди, нужно не обращать внимание, а я расстроилась.

Почему многие не задумываются о том, сколько боли причиняют своими словами другим людям? Они просто открывают рот и выпускают злость наружу. А их слова, как острые стрелы, попадают прямо в сердце такому впечатлительному человеку, как я.

Потому и с подругами перестала общаться. Когда всё это произошло, они только и делали, что говорили мне о том, какая скотина – мой муж, советовали выбросить его на улицу. Мне не помешала бы их поддержка, но точно не в виде злобной критики. Сил никаких не было, вся жизнь стала крутиться только вокруг парализованного мужа: капельницы, массаж, кормить его, мыть, убирать судно из под него, переворачивать через каждые пару часов, чтобы не образовывались пролежни. Я была бы благодарна, если бы хоть од-

на из подруг пришла и помогла мне приготовить обед или сходила бы за продуктами. Но реальной помощи от них я так и не дождалась, справилась сама.

Меня удивляет, что взрослые женщины так незрело рассуждают о семейной жизни. И ладно, если бы все прогоняли мужей-изменников. Но я слышала, проводили исследование: женщины редко идут на моментальный разрыв после измены. Наоборот, борются за мужа до последнего, а гнев обрушивают на соперницу. Мне кажется, и подруги, и продавщицы продуктового магазина, будучи на моём месте, тоже простили бы того, кого любят. Хотя я никому такого не пожелаю бы, слишком это больно.

Измена – предательство. Когда сталкиваешься с этим, часть тебя умирает. Но, если любишь, простить – иногда значит позволить себе стать счастливее.

Глава 28

Я всегда считал, что жена излишне сентиментальная. Легко может расчувствоваться, расплакаться.

Однажды заметил у неё слёзы на глазах, когда из лифта выходил старичок лет восьмидесяти. Да, у него были печальные глаза, но мне бы и в голову не пришло плакать из-за этого. При попытках объяснить причину своих слёз жена чуть не разревелась навзрыд. Не стал допрашивать её, так как мы поднимались в гости к друзьям.

В самом начале отношений такая чувствительность меня умиляла. Жена сочувствовала всем. Её глаза всегда были между слезой и улыбкой. Она была чистой, доброй, светлой. Верила в силу любви и нежности. А я перестал верить, отодвинул любовь на задний план, поместил в холодный чулан. Не понимая тогда, что это и есть главное.

Доброта жены, полное отсутствие стервозности с годами начало раздражать. Мне казалось, в ней нет сексуальности. Хотелось, чтобы кто-то держал на расстоянии, терзал, противился.

Я дошёл до того, что стал смеяться над её сентиментальностью.

Однажды (дети были тогда ещё маленькими) я пришёл домой с корпоративной вечеринки – ночью, пьяный. Я только что изменил жене с молодой ассистенткой, в туалете ре-

сторана. Стал требовать еды, а меня тошнило. Жена уби-
ра за мной и плакала, а я смеялся над её слезами. Она каза-
лась мне такой слабой в тот момент – потому что она здесь,
под рукой, и, даже если я пьяный в стельку, всё равно бу-
дет рядом со мной. На утро я забыл об этом. А дети за зав-
траком спрашивали, почему я смеялся над тем, как плакала
их мамочка. Оказывается, они проснулись и всё слышали.
Мне пришлось сказать, что я вспомнил шутку. Но тогда мне
не стало стыдно даже от укора родных детей.

Глава 29

Дочери уже тридцать, а она не замужем. У меня уже было два ребёнка-школьника в её возрасте. Она успешна в работе, по-прежнему горит архитектурой. Но она нуждается в любви, как любая женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.